

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И.В. Степанов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный университет» Минздрава России, Самара, Россия

Для цитирования: Степанов И.В. Характеристики гражданской войны // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 7–8. С. 64–69. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.64-69>

Поступила: 15.11.2021

Одобрена: 24.11.2021

Принята: 30.11.2021

■ В современном мире проблематика гражданской войны остаётся актуальной. Переход ведущих стран к постиндустриальному капитализму не исключает угрозы войн данного типа. Цель статьи — выявить концептуальные характеристики гражданских войн. Методологическим основанием исследования выступает теория языковых игр Л. Витгенштейна. Первым теоретическим основанием исследования стало определение, данное Мартином ван Кревельдом: «Война не начинается тогда, когда одни убивают других; она начинается тогда, когда те, кто убивают, рискуют сами быть убитыми». Вторым теоретическим основанием исследования представлено положение, выдвинутое Карлом фон Клаузевицем: «Война, есть продолжение политики иными средствами». В ходе исследования выявлено, что гражданскую войну следует анализировать в двух аспектах. В военно-стратегическом аспекте гражданская война остаётся конкурентным обоюдным массовым физическим насилием, с использованием как регулярных, так и нерегулярных методов ведения военных действий. Но в политическом аспекте гражданскую войну следует понимать как конкурентное строительство государства.

■ **Ключевые слова:** языковая игра; контекст; война; гражданская война.

CHARACTERISTICS OF THE CIVIL WAR

I.V. Stepanov

Samara State Technical University, Samara, Russia;
Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Stepanov I.V. Characteristics of the civil war. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2021;(7-8):64–69. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.64-69>

Received: 15.11.2021

Revised: 24.11.2021

Accepted: 30.11.2021

■ In the modern world the problematic of the civil war remains relevant. The transition of the leading countries to post-industrial capitalism does not exclude the threat of wars of this type. The purpose of the article is to identify the conceptual characteristics of civil wars. The methodological basis of the research is based on L. Wittgenstein's theory of language games. The first theoretical basis of the study is the definition given by Martin van Creveld: "War does not begin when some kill others; it begins when those who kill have risk to be killed." The second theoretical basis of the study is the position put forward by Karl von Clausewitz: "War is the continuation of politics by other means". The study revealed that the civil war should be analyzed in two aspects. In the military-strategic aspect the civil war remains a competitive mutual mass physical violence, using both regular and irregular methods of warfare. Whereas in the political aspect, the civil war should be understood as the competitive construction of the state.

■ **Keyword:** language game; context; war; civil war.

В конце лета – начале осени 2021 г. сторонники движения «Талибан» взяли под контроль большую часть территории Афганистана, одержав важную военно-политическую победу над Международными силами содействия безопасности, являющимися частью

крупнейшего современного военно-политического блока (НАТО) и силами афганского правительства. Подобный исход войны можно было предсказать ещё в середине 2000-х годов, однако скорость и масштаб операций «Талибана» оказались сюрпризом не только

для американской и европейской общественности. Судя по реакции высших военных и политических лиц США и Европы, для них динамика успехов противника обернулась полной неожиданностью. Конечно победа над высокотехнологичным противником, одержанная представителями радикального религиозного движения, оснащённого не самым современным вооружением, средневековой идеологией и отличающегося в военно-организационном отношении иррегулярным характером, не является случаем исключительным (достаточно вспомнить Первую чеченскую войну 1994–1996 гг.), однако это событие заставляет в очередной раз задуматься над природой войны в целом и гражданской войны в частности.

Применяемый в данной статье методологический подход не предполагает выработки универсалистского определения термина «война», с целью раскрытия некоей неизменной сущности тех явлений, которые охватываются данным термином. Будем отталкиваться от теоретической установки, выработанной философией лингвистического анализа. Задача состояла в том, чтобы в поле военно-теоретического и военно-философского дискурсов выявить наиболее обсуждаемые концептуальные позиции («языковые игры») и рассмотреть их на предмет контекстуальности (в терминологии Л. Витгенштейна «семейного») сходства. Итогом должно стать прояснение характера ситуаций, обозначаемых словами «война» и «гражданская война».

Первой языковой игрой, к которой хотелось бы обратиться (мимо которой не проходит большая часть современных исследователей природы вооружённого конфликта), является теория израильского военного историка и социолога второй половины XX – начала XXI в. Мартина Ван Кревельда. Согласно Кревельду, группа явлений, объединяемых термином «война», так или иначе выражает ситуации, связанные с обоюдным массовым физическим уничтожением, в процессе которого одна из сторон может проиграть, а другая выиграть. Следует подчеркнуть, что носителем угрозы смертельного исхода по Кревельду должен выступать не абстрактный образ. Это должен быть другой человек или группа лиц, обладающих физической телесностью и с точки зрения физической же телесности воспринимаемых. Причём такая логика должна носить обоюдный характер: «Другой момент, в котором традиционная стратегическая мысль впадает в заблуждение, заключается в послыле: мол, суть войны состоит в том, что представители одной группы убивают представителей другой. В действительности

война не начинается тогда, когда одни убивают других; она начинается тогда, когда те, кто убивают, рискуют сами быть убитыми» [6, с. 238]. Адекватное восприятие войны находит отражение в языке: «Те, кто осуществляют первое, но не второе (а такие всегда найдутся), называются не воинами, а головорезами, убийцами, палачами или награждаются ещё более нелестными эпитетами» [6, с. 238–239].

Подчеркну, что саму по себе теорию Кревельда не следует считать универсальной. Тогда следует поставить вопрос: Что нам даёт данная теория? Ответ таков: Она позволяет концептуально разграничить войну и массовое убийство, включая в последнее и геноцид.

Второй языковой игрой, к которой хотелось бы обратиться, и которая остаётся как мишенью самой жёсткой критики, так и объектом восхищения людей, интересующихся общетеоретическими проблемами, связанными с войной, является теория Карла фон Клаузевица, формировавшаяся на протяжении первой половины XIX в. и часто удостоивающаяся звания классической теории войны (по аналогии с немецкой классической философией).

В своём всемирно известном, хотя и недописанном труде «О войне», Клаузевиц вращается вокруг двух определений термина «война»:

- 1) итак, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [5, с. 26];
- 2) «война есть не только политический акт, но и подлинное оружие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [5, с. 52].

Соотнесение определений войны друг с другом осуществляется Клаузевицем через противопоставление «войны абсолютной» (первый вариант) и «войны действительной» (второй вариант). В первом случае речь идёт об «абстрактной физической войне» в форме соревнования двух гипотетических противников, использующих все возможности для достижения победы насильственным способом. Во втором случае имеются в виду реальные исторически зафиксированные вооружённые конфликты политических субъектов. Отсюда проистекает вывод, что «война всегда бывает войной в большей или меньшей степени»: «Война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооружённого наблюдения» [5, с. 40].

Баталии, разгоревшиеся вокруг теории Клаузевица, не утихают по сей день. Пищу для критики, безусловно, дал сам Клаузевиц, который в рамках выстраиваемой модели не разграничил три различных концептуальных положения. Первое положение имеет общетеоретический характер и касается любых форм вооружённой конкуренции (включая «вооружённое наблюдение»); второе положение носит военно-политический характер, и в нём война контекстуально рассматривается как война сообществ, сформировавших государства с тринитарной системой военного управления (правительство определяет цели войны, армия является средством достижения этих целей, население обеспечивает ведение войны, но непосредственно не участвует в военных действиях); третье положение охватывает военно-стратегическую сторону войны и сводится к защите генерального сражения, как главного способа достижения победы.

Львиная доля критиков (в их числе Мартин Ван Кревельд, Элвин Тоффлер [10] и др.) в качестве объекта нападок абсолютизируют второе и третье положения и превращают всю совокупность идей Клаузевица в достаточно примитивную модель, в которой единственным субъектом войны выступает национальное государство, почему-то отождествляемое с термином «политика», обладающее регулярной армией и военно-политически пассивными налогоплательщиками (подробнее слабые аспекты этой критики рассмотрены в работе «Введение в философию войны» [9]). Хочется отметить ценность именно первого положения, в котором Клаузевиц подразумевает под «политикой» любой социальный порядок, не позволяющий войне приобрести собственную логику. Война ведётся ради нового порядка либо, если она стала самоцелью, ради разрушения старого, но она не может быть проанализирована вне социального контекста. Такой вывод даёт сразу два преимущества:

- 1) он позволяет сфокусировать внимание на войне, как на явлении социальном, отмежевываясь от языковых игр биологического характера, оперирующих терминами «естественный отбор», «межвидовая конкуренция» и т. д.;
- 2) он предполагает наличие состояния, концептуально противопоставляемого состоянию войны, а именно состояние мира. Это освобождает нас от необходимости рассматривать любое социальное явление через призму метафизических заявлений вида: «Всё есть война»;
- 3) ситуации, обозначаемые сегодня словосочетанием «информационная война» (ещё

в середине XX столетия использовалось слово «пропаганда»), могут быть соотнесены по многим аспектам с подходом Клаузевица. Вместе с тем их следует воспринимать в качестве различных, хотя и близкородственных языковых игр. Не любая пропаганда прямо связана с войной, хотя война, в подавляющем большинстве случаев, сопровождается пропагандой.

Следует оговориться, что инверсия высказывания «война, есть положение политики иными средствами», предпринятая Мишелем Полем Фуко, фактически ничего не меняет. Допустим, что мы согласились с французским философом: «Политика, есть продолжение войны иными средствами». Значит ли это, что внутри социального порядка прекращает работать система различий войны и мира? Разумеется, нет. Данная система обрастает новыми языковыми играми, отражающими различные состояния, — война, предвоенное состояние, перемирие и т. д. В этом смысле следует согласиться с современным российским философом Арсением Куманьковым: «В целом формулировка Клаузевица фиксирует определяющую силовую характеристику войны как формы отношения политических субъектов и потому может считаться удачной» [7, с. 14].

Итак, проанализированные аспекты языковых игр Кревельда и Клаузевица не исключают, а дополняют друг друга, позволяя, с одной стороны, отделить войну от других форм физического насилия (межвидовая борьба, массовые убийства, геноцид), с другой — включить войну в более широкий контекст конкуренции политических субъектов (обоюдное организованное физическое насилие предполагается, но не всегда осуществляется, поскольку «война является войной в большей или меньшей степени»), с третьей стороны открывая перспективу для анализа ситуаций, обозначаемых термином «мир».

Переходя к проблематике анализа гражданских войн, следует обратить внимание на одну из популярных языковых игр, которую можно назвать «прощание с государством». Суть игры заключается в том, чтобы с одной стороны показать преимущества корпораций над государствами в современном мире, в том числе и применительно к сфере обоюдного организованного физического насилия, с другой же стороны обратиться к «прошлому», доказав, что и догосударственные организмы можно рассматривать в качестве субъектов войны. Относительно этой языковой игры (среди «играющих» в неё упомяну Мартин Ван Кревельд, Элвина Тоффлера [10], Жана-

Франсуа Лиотара [8]) следует отметить следующее: никто не отрицает того, что и негосударственные образования корпоративного или кланового типа могут выступать в качестве субъектов войны, однако контекст геополитических отношений создаётся именно государствами. Военная корпорация или клан, установив контроль над регионом, очень быстро обрывает атрибутами государственности (границы, законы, налоги, бюрократия, стремления интегрироваться в систему международных отношений), ярким примером чему может служить тот же «Талибан».

Применительно же к туземным племенным единицам использование термина «война» в тех контекстуальных рамках, которые были установлены ранее, является проблемным, а возможно и бесперспективным. Известный этнограф и исследователь войн Морис Дэйви приходит к выводу о формировании в архаическом сознании ассоциативной цепочки «чужой – враг»: «Чужак не является членом племени, а несоплеменный — это реальный или потенциальный враг» [3, с. 23]. В свою очередь, отношения между соплеменниками прямо противоположны, поскольку: «Внутренний мир и порядок должны господствовать для того, что бы группа могла выступить против врага единым фронтом, внутри же группы ссоры и возникающие трудности должны улаживаться быстро и мирно» [3, с. 29]. Если же насилие проникло внутрь племени, тогда, согласно другому авторитетному исследователю Рене Жирару, племени необходимо длительное и системное ритуальное очищение [4]. Можно ли в рамках такого мировоззрения говорить о фундаментальных теоретических различиях межплеменной войны и межплеменного мира и допускает ли это мировоззрение возможность перерастания внутриплеменного насилия в гражданскую войну, сказать сложно. Однако слепое следование «корпоративно-клановой» тенденции ведёт к растворению смысла терминов «война», «насилие», «бандитизм» друг в друге.

Поставив себе целью избежать этого смыслового хаоса, попытаемся оттолкнуться от «государственной» тенденции и обратимся к помощи политолога Стасиса Калываса: «Явление восстания проще понять, как процесс конкурентного строительства государства, а не просто как пример коллективного действия или социального спора... Строительство государства — это главная цель повстанцев. И именно она вносит в мятеж организующее начало, и именно в этом состоит фундаментальное отличие гражданских войн от таких явлений, как бандитизм, мафия

или общественное движение» [13, с. 218]. Развивая идею Калываса добавлю, что цели восставших могут быть двоякими: либо они путём масштабного использования вооружённой силы против другой вооружённой силы стараются добиться контроля над центральными органами управления государством (или формируют новый центр управления), либо предполагается установление контроля над отдельным регионом с последующим выходом данной области из состава государства или же проведением кардинальных реформ управления этим регионом (разумеется, и здесь возможны промежуточные варианты). В первом случае зачастую применяют словосочетание «гражданская война» (хотя многое зависит от масштабов кровопролития), во втором — используют как словосочетание «гражданская война», так и термин «восстание» (в соответствии с политическим, экономическим, историческим значением региона, а также текущей внутри- и геополитической конъюнктурой).

Здесь следует упомянуть ещё об одной распространённой военно-теоретической языковой игре, а именно рассмотрение военно-стратегического аспекта гражданских войн через призму противостояния регулярных (государственных) и нерегулярных (повстанческих) вооружённых формирований. Как писал Карл Шмитт: «Здесь различие регулярного и нерегулярного мыслится с чисто военнотехнической точки зрения и ни в коем случае не равнозначно оппозиции “легальный – нелегальный” в юридическом смысле международного права и конституционного права» [11, с. 29–30].

Однако данная тенденция носит излишне предвзятый характер. Приведём два примера гражданских войн, вполне вписывающихся в рамки военно-стратегического противостояния вооружённых сил регулярного типа. Один из них отражает борьбу за контроль над государством, а другой за суверенитет региона. Первый пример касается Гражданской войны в Римской республике 49–45 гг. до н.э., а именно вооружённого противостояния Гая Юлия Цезаря и Гнея Помпея. Анализ действий сторон в этой войне привлекал внимание историков и военных теоретиков не только центральной ролью, выпавшей на долю двух великих полководцев и даже не художественными достоинствами «Записок о гражданской войне». Другая сторона популярности объясняется характером цезарианской и помпейской армий, солдаты которых были отделены от римского общества и преданы не столько идеям сенатского или диктаторского способов управления

государством, сколько непосредственно интересам полководцев, отождествляя с их успехом собственные политические и, главным образом, экономические интересы. Даже в случаях насильственного призыва на военную службу свободных граждан, роль партизанских способов ведения войны сводилась к минимуму. Вооружённые силы Цезаря и Помпея были локализованы в пространстве, обладали одинаковой организацией и схожими тактическими навыками, сохраняя основные признаки регулярности. Исход войны решался на полях крупных сражений. Гражданские институты власти, несмотря на вовлечённость в вооружённый конфликт значительного числа лиц высших сословий, продолжали функционировать, а в случае помпейцев во многом определять цели и задачи военных действий.

В качестве второго примера рассмотрим характер Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Опираясь на сложившуюся систему местного управления при фактическом увеличении прав отдельных штатов, южане к началу вооружённого конфликта создали отдельное государство — Конфедеративные Штаты Америки (КША), большая часть населения которого не признавала себя американцами в том смысле, в каком этот термин понимали северяне (южанин в первую очередь считал себя вирджинцем, техасцем и т. д.). Армии сторон достаточно быстро приобрели регулярный характер, в организационном и тактическом плане оказавшись сопоставимы друг с другом по своим боевым качествам и методам ведения войны. Хотя вооружённый конфликт сопровождался жестокими акциями, к некоторым из которых вполне можно применить термин «геноцид» (лагерь для военнопленных «Андерсонвилль» в Джорджии, кампания Уильяма Текумсе Шермана 1864–1865 гг.), широкомасштабной партизанской деятельности не наблюдалось. Кроме того, президенты США и КША, Авраам Линкольн и Джефферсон Дэвис, отделяли свои полномочия и prerogatives от полномочий и prerogatives полководцев, обычно не вмешиваясь в решение вопросов оперативного уровня.

Итак, рассматривая проблему гражданской войны с военно-стратегической точки зрения, в рамках противостояния регулярных сил, исследователь, для анализа действий сторон в двух приведённых примерах, вполне может довольствоваться условной датой начала (в наших примерах это переход Цезарем Рубикона и обстрел южанами форта Самтер) и полноценно изучать объект даже в случае, если плохо обученная толпа, на первых порах

только изображающая армию (как это пытались делать помпейцы в период итальянской кампании Цезаря или обе стороны на первом этапе американской гражданской войны), в конце концов осваивает регулярные методы ведения военных действий. Разумеется, даже в этих случаях стратегия теснейшим образом переплетается с политической обстановкой в конкретном регионе, а стратегическое действие в значительной степени приобретает характер политического акта, что отмечали такие видные участники Гражданской войны в России, как Алексей Егоров и Антон Деникин: «Стратегия внешней войны имеет свои законы — вечные, неизменные, одинаково присущие эпохам Цезаря, Ганнибала, Наполеона и минувшей Мировой войне. Но условия войны гражданской, не опрокидывая самооценку незыблемых законов стратегии, нарушают их относительное значение — иногда в такой степени, что в глазах поверхностного наблюдателя двоятся мысли: не то ложен закон, не то свершается тяжкое его нарушение...» [1, с. 393].

Итак, само по себе наличие ситуации, в которой стороны физически уничтожают друг друга и параллельно занимают конкурентным строительством государства, не исключают наличия у них регулярных армий. Однако в современном мире действительно преобладают ситуации вида «регулярность против иррегулярности» или даже «иррегулярность против иррегулярности». Вот что по этому поводу пишет крупный современный геополитик Эдвард Люттвак: «В гражданских войнах интенсивность обычно низка, их размах невелик, а насилие локализуется в границах более крупного пространства, на которое сражения могут воздействовать лишь частично — если могут воздействовать вообще. На Шри-Ланке гражданская война длится десятилетиями на севере, но при этом иностранные туристы по-прежнему загорают на спокойных пляжах на юге. В Судане сражения шли только на юге, да и там они были по большей части сезонными. Поэтому гражданские войны могут длиться десятилетиями» [12, с. 84]. Карл Шмитт отмечает, что на популяризацию именно иррегулярных методов ведения вооружённого конфликта оказывают влияние следующие факторы:

- 1) пространственный аспект (войны начинают охватывать иные, нежели земная и морская поверхность, виды пространства);
- 2) разрушение социальных структур (образование различных видов непубличной власти, способных эффективно дезавуировать существующий общественный строй);

- 3) всемирно-политический аспект (усиливающееся значение связи партизан с крупными геополитическими игроками);
- 4) технический аспект (способность партизан воспользоваться высокотехнологичными средствами борьбы).

Добавлю, что переход к иррегулярным методам ведения войны в подавляющем большинстве случаев носит не преднамеренный, а вынужденный характер и следует, как правило, за крупным военным поражением в операциях регулярного типа (штурм или оборона городов, оперативное маневрирование большими массами людей и т. д.).

Военная история движения «Талибан» соотносится со всеми указанными признаками, а его успех заставляет в очередной раз поставить вопрос: «Насколько сильнейшее государство мира способно обеспечить порядок в международных отношениях, не преуспев в области государственного строительства в конкретно взятом регионе?» И здесь, на мой взгляд, ссылка на Афганистан, как на «кладбище империй», а также на набивший оскомину негативный опыт русских, выполняет в лучшем случае функцию фигового листка, поскольку даже при выводе советских войск падение поддерживаемого ими правительственного режима не было столь стремительным [2].

Список литературы

1. Гражданская война в России: разгром Деникина / под ред. А.И. Егорова. М.; СПб., 2003.
2. Джонс С. Война США в Афганистане. На кладбище империй / пер. с англ. М. Витебского. М., 2013.
3. Дэйви М. Эволюция войн / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М., 2009.
4. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М., 2010.
5. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А.К. Рачинского. М.: РИМИС, 2009.
6. Кревельд М. Трансформация войны: пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова. М., 2005.
7. Куманьков А.Д. Война, или в плену насилия. СПб., 2019.

■ Информация об авторе

Иван Викторович Степанов — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Института инженерного, экономического и гуманитарного образования. ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия; доцент кафедры философии и культурологии Института социального, гуманитарного и цифрового развития медицины. ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет» Минздрава России, Самара, Россия. E-mail: stivan1981@mail.ru

8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 2016.
9. Степанов И.В. Введение в философию войны. Самара, 2014.
10. Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / пер. с англ. М.Б. Левина. М.; Самара, 2005.
11. Шмитт К. Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2007.
12. Эдвард Н.Л. Стратегия: Логика войны и мира / пер. с англ. А.Н. Ковалёв, Н.Н. Платошкина. М., 2012.
13. Kalyvas S.N. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

References

1. Grazhdanskaya voyna v Rossii: razгром Denikina. Ed. by A.I. Egorov. Moscow; Saint Petersburg; 2003. (In Russ.)
2. Dzhons S. Voina SShA v Afganistane. Na kladbishche imperii. Transl. from Engl. M. Vitebskiy. Moscow; 2013. (In Russ.)
3. Dejvi M. Evolyutsiya voyn. Transl. from Engl. L.A. Kalashnikova. Moscow; 2009. (In Russ.)
4. Zhirar R. Nasilie i svyashchennoe. Transl. from French G. Dashevskiy. Moscow; 2010. (In Russ.)
5. Klauzevic K. O voine. Transl. from Germ. A.K. Rachinskiy. Moscow: RIMIS; 2009. (In Russ.)
6. Krevel'd M. Transformatsiya voyny. Transl. from Engl. Ed. by Yu. Kuznecov. Moscow; 2005. (In Russ.)
7. Kuman'kov AD. Voina, ili v plenu nasiliya. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.)
8. Liotar Zh-F. Sostoyanie postmoderna. Transl. from French N.A. Shmatko. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.)
9. Stepanov IV. Vvedenie v filosofiyu voyny. Samara; 2014. (In Russ.)
10. Toffler E. Voina i antivoina: Chto takoe voyna i kak s nei borot'sya. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka. Transl. from Engl. M.B. Levin. Moscow; Samara; 2005. (In Russ.)
11. Shmitt K. Teoriya partizana: promezhutochnoe zamechanie k ponyatiyu politicheskogo. Transl. from Germ. Yu.Yu. Korints. Moscow; 2007. (In Russ.)
12. Edvard NL. Strategiya: Logika voyny i mira. Transl. from Engl. A.N. Koval', N.N. Platoshkin. Moscow; 2012. (In Russ.)
13. Kalyvas SN. The Logic of Violence in Civil War. Cambridge: Cambridge University Press; 2006.

■ Information about the author

Ivan V. Stepanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Institute of Engineering, Economic and Humanitarian Education. Samara State Technical University, Samara, Russia; Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology of the Institute of Social, Humanitarian and Digital Development of Medicine. Samara State Medical University, Samara, Russia E-mail: stivan1981@mail.ru